

Каково это — пережить попадание 381-мм снаряда в непосредственной близости?

У Ван Чжуна сознание на мгновение отключилось.

В первые секунды после падения снаряда он вообще не мог думать, в голове стоял оглушительный звон, словно на колокольне собора одновременно били в тысячу колоколов.

В какой-то момент подсознание Ван Чжуна решило, что он точно оглох, потому что, кроме этого звона в ушах, он больше ничего не слышал.

Но он не оглох: вместе с пронзительным гулом слух вернулся к нему процентов на восемьдесят, и он смутно различил доносившиеся неподалеку крики.

Ван Чжун, он же подполковник Алексей Константинович Рокосов, с трудом поднялся с земли и оглядел здание, где располагался штаб.

Трапезная была разрушена больше чем наполовину, а на уцелевших стенах виднелись трещины.

Обрушившаяся крыша погребла под собой почти все телефоны и телеграфные аппараты; связисты, работавшие с этим оборудованием, и офицеры штаба, наблюдавшие за ними, скорее всего, погибли.

Треск телеграфных аппаратов, только что стоявший в ушах, сменился криками раненых.

Ван Чжун был совершенно ошарашен; увидев, как один из штабных офицеров отчаянно пытается вытащить из-под обломков свою оторванную руку, он вдруг понял, что и самому ему нужно проверить, не ранен ли.

Вроде бы нет, если не считать раненой руки.

Ван Чжун прищелкнул языком; в этот момент его мозг наконец-то заработал как надо, и по спине пробежал запоздалый холодок.

Неужели он только что разминул со смертью?

Он посмотрел в сторону и увидел герцога, лежащего на земле, придавив собой двух своих телохранителей.

Телохранители, по всей видимости, были мертвы, все в крови.

Ван Чжун, пошатываясь, подошел к ним, оттащил их тела и обнаружил, что герцог без сознания и у него из головы течет кровь.

— Герцог Владимир! — воскликнул Ван Чжун. — Я сейчас же позову санитаров!

— Не надо, уходи! — с трудом выдавил герцог, лицо его исказилось от боли. Он помолчал немного, чтобы прийти в себя, и продолжил: — Раз линкоры бьют по нам, значит... значит, флот не сдержал врага... Город... город обречен!

С этими словами герцог откинул голову и потерял сознание.

В этот момент наконец-то подоспели санитары. Вернее, санитар — здоровенный детина, который грубо оттолкнул Ван Чжуна и нащупал пульс на шее у герцога.

— Мне нужно делать массаж сердца герцогу!

Ван Чжун отступил на шаг, освобождая санитару место.

В этот момент он услышал, как кто-то окликнул его:

— Господин подполковник! Что будем делать?

Ван Чжун удивленно обернулся и посмотрел на говорившего.

У того на погонах была на одну звездочку меньше, чем у Ван Чжуна, — значит, это был капитан. У него были рыжевато-русые волосы, и Ван Чжуна — то ли от контузии, то ли нет — посетила мысль, что в японских играх герои с такими волосами обычно главные.

Рыжеволосый капитан повторил свой вопрос:

— Господин подполковник! Что будем делать?

Ван Чжун, указывая на себя, переспросил:

— Вы меня спрашиваете?

Капитан ответил:

— Да, вы — самый старший по званию из тех, кого мне удалось найти!

Ван Чжун покосился на герцога. Санитар продолжал делать ему непрямой массаж сердца, но надежды на успех, похоже, было мало.

Ван Чжуну оставалось лишь ответить:

— Поищите еще, должны же быть выжившие.

— Я искал! — ответил капитан. — После обстрела я сразу начал искать, уже двадцать минут прошло.

Ван Чжун нахмурился. До него наконец-то дошло, что он был без сознания не минуту, а по меньшей мере двадцать. Теперь понятно, почему герцог в таком тяжелом состоянии: он все это время истекал кровью, придавленный телами своих телохранителей.

— Я пока что не очень соображаю, — проговорил Ван Чжун. — Давайте сначала разберемся в ситуации. Сколько людей вам удалось собрать?

На самом деле больше всего Ван Чжуну хотелось спросить: «А как называется наша страна?» Наверное, это было написано в его документах, но он, увлекшись собственным именем, не обратил на это внимания.

Доставать сейчас документы, чтобы проверить, было не время.

Капитан доложил:

— Я собрал тыловиков из штаба и полевой госпиталь. Охрана разбежалась почти вся, рота связи тоже. Связаться с нашими частями пока не удалось.

— Охрана разбежалась? — нахмурившись, переспросил Ван Чжун.

— Начальника охраны, похоже, убило, — ответил капитан. — Других офицеров я не нашел, сами понимаете, тут такое...

В этот момент санитар, пытавшийся реанимировать герцога, прекратил свои попытки, поднялся и покачал головой, обращаясь к стоявшему рядом унтер-офицеру.

— Все, герцог помер! — воскликнул тот. — Все командиры передохли! Остались только этот, любовник герцогини, да еще дружок-собутыльник наследного принца! Спасайся кто может!

Ван Чжун сам не знал, откуда в нем взялась эта решительность, но он рявкнул:

— Схватить его! Расстрелять!

Несколько солдат машинально подчинились приказу, но, схватив паникера, замялись.

— Вы что, с ума посходили? — вопил унтер-офицер. — Я же вам говорю, это единственный шанс спастись! Да вон, у этого, у подполковника, штаны мокрые, сам обоссался! Хватайте этих, которые повыше, и сдавайтесь просенцам!

Ван Чжун на всякий случай опустил глаза и убедился, что не обмочился во время обстрела.

Унтер-офицер продолжал вопить, и солдаты, державшие его, явно колебались.

Ван Чжун вдруг понял, что, если сейчас не проявить решительность, солдаты могут разбежаться.

А если солдаты разбегутся, его собственная судьба окажется в чужих руках. Пока есть солдаты — есть шанс на спасение.

Он вытащил пистолет. Рана в плече тут же отозвалась болью.

Стиснув зубы, Ван Чжун направил пистолет на все еще вопящего унтер-офицера.

В момент выстрела он уже не колебался, однако промахнулся: пуля лишь сбила с унтера фуражку. Второй выстрел попал в стену разрушенного дома.

Похоже, попасть в голову с такого расстояния для человека, впервые стреляющего из пистолета, да еще и с раненым плечом, было сложновато.

Тогда Ван Чжун сделал несколько шагов вперед, сокращая дистанцию, и одновременно перенес точку прицеливания с головы на грудь. С расстояния меньше трех метров он выстрелил три раза, и крики унтер-офицера прекратились.

Когда расстреливали просенцев в машине, Ван Чжун не принимал в этом участия. Сейчас же он впервые в жизни стрелял в человека и впервые в жизни убил.

Удивительное дело, но он был совершенно спокоен. Быть может, за последние дни насмотрелся на смерть и привык?

Опустив пистолет, Ван Чжун обратился к солдатам, державшим убитого:

— Вы правильно сделали. Я принимаю командование на себя. Мы вернемся домой.

— Так мой дом здесь, — ответил один из солдат, — в этом городе.

Ван Чжун на мгновение опешил, а потом вспомнил, что эти люди защищают свою родину. А он даже не знает, как она называется.

Если бы речь шла только о том, чтобы сохранить свою шкуру, он бы снял форму, спрятался где-нибудь и притворился местным. Все равно он не офицер, да и не гражданин этой страны, и никто не вправе требовать от него, чтобы он за нее воевал.

Но тут Ван Чжун вспомнил о Людмиле.

Если он сбежит, если солдаты разбегутся, что с ней будет?

Ван Чжун не испытывал никакой преданности к стране, названия которой даже не знал, но он знал Людмилу, и эта девушка сражалась.

Ему хотелось снова увидеть ее, хотелось доказать ей, что он не трус, хотелось смыть позорное пятно с репутации того неудачника, которым он был до перерождения.

И Ван Чжун принял решение. Он обратился к солдату, сказавшему, что его дом здесь:

— Ты прав, здесь наш общий дом. И мы не позволим проклятым... проклятым просенцам его отобрать!

Он едва не сказал «проклятым фрицам»: черная форма просенцев действительно напоминала немецкую.

Ван Чжун повернулся к капитану:

— Как тебя зовут?

— Сергей Николаевич Романов, — ответил тот.

— Ты из царской семьи? — машинально спросил Ван Чжун.

— Нет, — несколько удивленно ответил капитан. — Царская фамилия — Антоновы.

— Я знаю, — ответил Ван Чжун. — Просто меня контузило, и я плохо слышу.

Придумав правдоподобное объяснение, он продолжил:

— Нужно восстановить связь с нашими войсками, выставить на позиции охраны кого-нибудь надежного, собрать всех, кто готов сражаться.

Наверное, Ван Чжун говорил слишком громко, потому что с потолка посыпались пыль и мелкие осколки.

Ван Чжун посмотрел вверх:

— Здесь небезопасно. Есть поблизости какое-нибудь прочное здание?

— Рядом есть банк, — ответил Сергей, — он бетонный, еще не разрушен.

— Переходим туда, — приказал Ван Чжун.

С этими словами он зашагал прочь из полуразрушенной трапезной.

Молитвенный зал тоже был разрушен, великолепный витраж, так поразивший Ван Чжуна, когда он ехал сюда, лежал грудой осколков.

Здание банка было пустым. Охрана оборудовала здесь пулеметное гнездо, но пулеметчики бросили свою позицию.

Ван Чжун обернулся к двум рослым солдатам, следовавшим за ним:

— Ставьте пулемет.

Солдаты поспешили выполнить приказ.

Вдалеке послышалась стрельба: похоже, просенцы начали наступление.

— Мне нужно на крышу, — сказал Ван Чжун.

С этими словами он взбежал по лестнице вверх. Крыша оказалась неогороженной, поэтому Ван Чжуну пришлось лечь на живот у самого края и поднести к глазам бинокль. Вернее, сделать вид, что он смотрит в бинокль — на самом деле он переключился на общий обзор, так было куда удобнее!

Для начала он решил посмотреть, не появились ли в интерфейсе новые значки, обозначающие войска. Оказалось, что появился новый тип войск — «ополченцы». Наведя на них курсор, Ван Чжун получил справку:

«Сборище врачей и медсестер из полевого госпиталя, тыловиков, необстрелянных солдат из караульной роты, оркестрантов и прочего ненужного на поле боя сброда. Больше приспособлены для игры на трубах, чем для стрельбы».

Ван Чжун присвистнул.

Пусть это были всего лишь ополченцы, но Ван Чжун все же получил возможность видеть, что происходит на поле боя их глазами — правда, все изображения накладывались друг на друга, и было непонятно, кто именно что видит.

Управлять ими он тоже не мог; даже чтобы отдать приказ Сергею, стоявшему рядом, Ван Чжуну приходилось открывать рот и говорить.

Зато благодаря своему «читу» Ван Чжун прекрасно видел, что происходит на поле боя. Бой шел всего в квартале отсюда.

Просенцы наступали по главной улице, пересекавшей город с запада на восток, а солдаты в форме цвета хаки оборонялись в массивном пятиэтажном здании — том самом, которое Ван Чжун видел, когда его везли в штаб.

Старый усач-унтер и его солдаты, скорее всего, находились в каком-то из домов южнее.

«Интересно, а где же Людмила?» — подумал Ван Чжун.

И тут он увидел то, чего никак не мог ожидать: из окна двухэтажного дома вылетела ракета, оставив за собой длинный хвост дыма, пронеслась над улицей и попала в только что показавшийся из-за угла просенский танк.

Танк тут же остановился. Из верхнего люка вырвались языки пламени, и тут же из него начали выскакивать объятые огнем танкисты и кататься по земле, пытаясь сбить пламя.

«Базука? РПГ?»

Ван Чжун прикинул расстояние и понял, что что-то тут не так: ракета пролетела больше километра. С такого расстояния не то что попасть из базуки или РПГ, а даже просто прицелиться — задача не из легких.

На таком расстоянии и танк казался маленькой точкой, а уж в условиях города...

Тут Ван Чжуну вспомнилось слово «шеньцзянь» — «божественная стрела».

Может, эта «божественная стрела» — на самом деле ракета?

А «молитвенницы» — это операторы, которые ими управляют?

<http://tl.rulate.ru/book/114264/4393044>